

УДК 94(571.1-24)
DOI: 10.17223/19988613/71/9

С.А. Шпагин

ИЗ ИСТОРИИ РАЙОНИРОВАНИЯ СИБИРИ: ОБРАЗОВАНИЕ РАЙОНОВ В НАРЫМСКОМ КРАЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Реконструируется процесс укрупнения волостей и образования районов в Нарымском уезде Томской губернии в 1924 г. Определены точные сроки создания районов. Показано, что в процессе районирования многоуровневая система исполнительных комитетов работала как инструмент фильтрации обратной связи и обеспечения легитимации навязанных сверху решений. В результате в уезде были сформированы районы со слишком большой территорией, и вместо приближения органов власти к населению фактически произошел их отрыв от него.

Ключевые слова: административно-территориальное деление; исполкомы; районирование; укрупнение волостей; Нарымский край.

С начала XXI в. под воздействием динамики российского федерализма вопросы административно-территориального устройства России вновь приобрели актуальность. Укрупнение субъектов федерации, муниципальная реформа и проекты создания городских агломераций вызывают интерес не только у политиков и журналистов, но и у исследователей в различных областях знания. В этой связи представляется закономерным обращение к опыту административно-территориальных преобразований 1920-х гг. – так называемого районирования. В Сибири районирование как централизованный процесс осуществлялось в 1924–1925 гг. Первым его этапом стало укрупнение волостей и создание на этой основе новых районов в 1924 г., а вторым – объединение вновь образованных районов в округа, ликвидация губернского-уездного деления в 1925 г. и образование единого Сибирского края. Если этап окружного районирования многократно описан как в советской [1. С. 4–8; 2. Стб. 605; 3. С. 14–17], так и в постсоветской литературе [4. С. 46–48; 5; 6. С. 75; 7. С. 112–113], то интерес к предыдущему, волостному районированию значительно скромнее. В результате в наше время органы местного самоуправления и архивные учреждения испытывают затруднения в определении точных сроков образования тех или иных районов. Публикации, посвященные этой тематике, ограничиваются констатацией решений, принятых всероссийскими, общесибирскими и губернскими властями – ВЦИК, Сибирским революционным комитетом (далее – Сибревком) и Исполнительным комитетом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Томской губернии (далее – Томский губисполком) [8, 9]. Вопросы о том, как эти решения вырабатывались, как осуществлялось взаимодействие между различными уровнями органов власти в процессе принятия этих решений, до настоящего времени не только не рассматривались, но даже не ставились. Сложившаяся в литературе традиция подразумевает, что позиция нижестоящих органов власти не имела существенного значения, а население единодушно поддерживало все принятые решения. В рамках данной статьи основное внимание сосредоточено на низовых механизмах вы-

работки политических решений по осуществлению волостного районирования и на самом процессе их принятия.

Анализ процессов районирования в специальной литературе традиционно сводит их к двум аспектам: политическому и экономическому. В первый аспект включались не только «расширение функций исполкомов, упрощение и удешевление административного аппарата, объединение населения по национальному составу», но и «приближение органов власти к населению» [3. С. 14]. Второй аспект сводится к учету экономического тяготения той или иной территории к населенному пункту с более развитой экономикой и средствами сообщения при сходстве характера хозяйственной деятельности [1. С. 3]. При этом отдельно подчеркивалось, что «в основу решений по созданию того или иного района или сельсовета полагалось и желание самого населения» [3. С. 14]. Эта точка зрения, сформулированная в советский период, почти без изменений воспроизводится и в современных обобщающих исследованиях [7. С. 112; 10. С. 158–159]. Между тем обращение к материалам районирования в Нарымском крае позволяет увидеть, что реальный процесс – по крайней мере в этой части губернии – проходил несколько иначе.

К началу 1924 г. в составе Нарымского уезда Томской губернии насчитывалось 11 волостей [11. Л. 36]. Шесть из них объединяли в своем составе исторически сложившуюся территорию Нарымского края: это Васюганская и Каргасокская волости в бассейне р. Васюган, Кенгинская и Парабельская волости в бассейне р. Парабели, Колпашевская (Кетская) волость в бассейне р. Кети и Тымская волость в бассейне р. Тым. Еще пять волостей – Андарминская, Варгатурская, Парбигская, Тискинская и Чаинская – были перечислены из Томского уезда в состав Нарымского в июне 1923 г. совместным решением Томского губисполкома и губернского экономического совета [12. Л. 211]. Эти волости, расположенные в бассейне р. Чаи, составили самую южную часть Нарымского края. Главным органом административного управления уездом был Нарымский райисполком, расположенный с 1922 г. в с. Колпашево.

4–7 января 1924 г. в Новониколаевске состоялось Сибирское экономическое совещание, которое приняло два важных решения, имевших прямое отношение к судьбе Нарымского края. Вопреки составленному в 1922 г. проекту Госплана, который предполагал переход Нарымского уезда в состав планируемой Обской области, совещание сохранило край в Томской губернии с перспективой его включения в состав будущей Кузнецко-Алтайской области. Кроме того, было принято решение о необходимости перехода с волостного деления территории на районное до начала 1924/1925 бюджетного года [13. Л. 5–5об.]. Хотя обсуждение вопросов районирования происходило и ранее, но теперь их решение заметно ускорилось. Уже 11 января 1924 г., «принимая во внимание подготовленность большинства Сибирских губерний к переходу на систему укрупненных волостей и необходимость скорейшего проведения в жизнь этой меры», Сибревком ходатайствовал перед ВЦИК о наделении всех сибирских губерний, кроме Иркутской, правом вводить новое волостное деление [14. Л. 185]. В тот же день Томский губисполком постановил выделить по одному пробному району в Томском и Мариинском уездах и поручил «секции по районированию совместно с заинтересованными уисполкомами в срочном порядке наметить пункты и установить границы административного деления районов» [15. Л. 22].

17 апреля в Колпашево пришло письмо плановой комиссии Томского губисполкома (далее – губплан). В нем сообщалось, что эта комиссия разработала проект волостного районирования (укрупнения волостей), согласно которому территория Нарымского края делится на 4 района: Каргасокский, Парабельский, Колпашевский и Чаинский. В состав Каргасокского района включались Васюганская, Каргасокская и Тымская волости, Парабельский район объединял Парабельскую и Кенгинскую волости, основу Колпашевского района должна была составить Колпашевская (Кетская) волость, а в Чаинский район с центром в с. Подгорном вошли бы Андарминская, Варгатерская, Парбигская и Чаинская волости. Пограничную с Томским уездом Тискинскую волость предполагалось разделить: самые северные деревни – Баранаково, Игнашкино и Костенькино, расположенные на левом берегу р. Чаи, и д. Водяную на острове посередине Оби планировалось присоединить к Колпашевскому району, а остальные 30 селений волости передать в проектируемый Молчановский район Томского уезда. С учетом этого Нарымский райисполком должен был предложить Тискинскому волостному исполкому (далее – волисполком, Вик) опросить все сельсоветы своей волости на предмет удобства для них включения в тот или иной район [16. Л. 2; 17. Л. 94]. Таким образом, первоначально опрос населения касался только одной пограничной волости и на весь край не распространялся.

Стоит заметить, что у властей Нарымского уезда были и собственные планы в отношении районирования: в протоколе плановой комиссии райисполкома от 23 апреля 1924 г. отразилось мнение о желательности включения в состав Колпашевского района всей Тискинской волости целиком. В качестве аргументов бы-

ло указано, что «а) все население Тискинской волости по роду своих занятий тождественно и наиболее тяготеет к Колпашевской волости, и вместе с тем, б) наибольшее удобство связи с Колпашево как административно-экономическим и культурно-просветительским краевым центром, в) наибольшее удобство административно-политического руководства и, наконец, г) желание самого населения присоединиться к Колпашевской волости» [16. Л. 51 об.]. Состоявшийся в конце апреля – начале мая 1924 г. опрос сельсоветов показал, что население этой волости действительно тяготеет не к Молчановскому, а к Колпашевскому району. Именно так высказались собрания Кальджинского, Короткинского, Суготского и Тискинского сельсоветов [17. Л. 51, 52а]. Первоначально такое же мнение высказал и Лебо-терский сельсовет: «Заручившись поддержкой населения и сообразуясь с местными условиями, единогласно постановили отойти к району волости Колпашево» [Там же. Л. 52]. Этот опрос позволил Нарымскому райисполкомму скорректировать проект губплана: все районы уезда формируются путем объединения целых волостей; Тискинская волость не делится на части, а целиком включается в состав Колпашевского района. В то же время основные установки исходного проекта в отношении Нарымского края остались неизменными: уезд подлежит делению на 4 района, центрами которых должны стать села Каргасок, Колпашево, Парабель и Подгорное.

29 апреля пленум Томского губисполкома поддержал концепцию районирования Томской губернии, предусматривавшую в том числе деление Нарымского края на 4 района без уточнения их состава [18. Л. 3]. В резолюции по итогам пленума всем уездным, поселковым и волостным исполкомам предлагалось провести «опрос сельсоветов о желании их присоединиться к тому или иному району в самом срочном порядке, с тем чтобы материалы по этому вопросу с заключениями исполнительных комитетов поступили в губисполком не позже 10 июня» [Там же. Л. 42]. Это решение было связано с тем, что в течение марта–апреля 1924 г. жители поселков Шерстобитовского, Львовского и Вершино-Чежапского Кенгинской волости обратились в губисполком с просьбой о причислении их территории к Каинскому уезду соседней Новониколаевской губернии [17. Л. 87–88]. Поэтому в начале мая председатель губплана Л.И. Белорусец вновь обратился в Нарымский райисполком с запросом: «Ввиду нескольких уже ходатайств о перечислении в Каинский уезд, для установления прочных и окончательных границ Кузнецко-Алтайской области предлагается срочно опросить все сельсоветы Нарымкрая о желании их присоединиться к тем или иным проектируемым районам. В случае несогласия с проектом отзывы должны быть подробно мотивированы. При опросе необходимо указать о запроектированных центрах в соседних уездах, так как возможно перечисление отдельных селений в другие уезды» [Там же. Л. 95]. В ходе проведения опроса губплан требовал разъяснять населению цели и задачи укрупнения волостей в районы, а подлинники отзывов сельсоветов собирать и направлять в секцию районирования губисполкома [Там же].

Таким образом, масштабы опроса населения о присоединении к тем или иным укрупненным волостям резко возрастали, что не могло не сказаться на сроках его проведения. В то же время выбор населению уезда был предоставлен только в рамках утвержденного свыше проекта. Иначе говоря, предполагалось, что жители выберут присоединение к одному из четырех новых районов, ближайших к их селению. Такой опрос в Каргасокской, Парабельской и Чаинской волостях принципиального значения не имел: их положение в связи с укрупнением никак не менялось. Не было реального выбора и у населения северных волостей – Васюганской, Кенгинской и Тымской. Эти волости не имели общей границы с иными уездами Томской губернии или с другими волостями, кроме тех, с которыми их планировалось объединить. Правобережная сторона Парабельской волости, к которой могла бы присоединиться Тымская, была в то время ненаселенной, поэтому такой вариант укрупнения отпал. Маловероятным из-за отсутствия путей сообщения было и присоединение Васюганской волости полностью или частично к Парабельской. Практически возможность поменять район была только у населения Тискинской и Варгатерской волостей, а также у восточной части Колпашевской волости.

Новый опрос сельсоветов Тискинской волости показал, что большинство их по-прежнему согласны с присоединением к Колпашевскому району. Так высказались на общих собраниях, в частности, жители деревень Даниловка, Гоголевка, Игнашкино, Короткино, Чажемто, а также поселков Могильный Мыс, Отрадный, Холмино и Сугот [17. Л. 58 – 67]. Но некоторые селения за это время изменили свое мнение. Так, жители пос. Голевского на собрании 31 мая единогласно постановили присоединиться к Чаинской волости «ввиду близкого расстояния и возможного сухопутного сообщения» [Там же. Л. 55]. На следующий день такое же решение приняли и в соседнем с. Леботер, добавив к мотивировке «однообразное <с местными жителями> занятие населения Чаинской волости хлебопашеством» [Там же. Л. 54]. В деревнях Коломино и Михайловка жители выбрали присоединение к Молчановскому району [Там же. Л. 56–57]. Хотя такие решения несколько расходились с проектом губплана и намерениями райисполкома, они несколько не противоречили общей концепции, заложенной в них: количество проектируемых районов и выбор запланированных райцентров от этого не менялись.

Еще большее разнообразие мнений дал опрос в селениях и сельсоветах других волостей. Кедровский и Моровский сельсоветы Парбигской волости в протоколах своих собраний высказались за вхождение в состав Чаинского района [Там же. Л. 37–38]. Зато общее собрание Парбигского сельсовета обращало внимание на то, что расстояние от него до Чаинского Вика составляет 150 верст, «поэтому считаем неудобным присоединяться к Чаинской волости. Просим Нарымский уисполком оставить Парбигский волисполком на месте самостоятельным» [Там же. Л. 36]. Это предложение уже явно выходило за исходные рамки опроса о присоединении к той или иной волости и противоречило плану деления Нарымского края на четыре района.

Разделились мнения и в Варгатерской волости: если жители Варгатерского, Соловьевского и Таскинского сельсоветов согласились с присоединением к Чаинскому району и размещением его центра в с. Подгорном [Там же. Л. 40, 42, 43], то Средне-Тигинский сельсовет единогласно постановил «просить о установлении центра объединенной волости в с. Варгатере» [Там же. Л. 47]. Того же мнения придерживались и в Бакчарском сельсовете: «Принимая во внимание, что центром волости Чаинской, Варгатерской, Андарминской и Парбигской находится Варгатерская, потому постановили, что район должен быть в с. Варгатере» [Там же. Л. 44]. А жители еще трех сельсоветов выразили желание и вовсе обойтись без укрупнения: «желание граждан Стрельниковского сельсовета находиться в Варгатерской волости», «единогласно решили оставить волость при селе Варгатере» (Нижне-Тигинский сельсовет), «желают оставаться при Варгатерском Вике» (Хамовский сельсовет) [Там же. Л. 41, 45, 46]. Если предложение о размещении центра укрупненной волости в Варгатере еще как-то вписывалось в план районирования, то сохранение самостоятельной Варгатерской волости входило в очевидное противоречие с этим планом.

Альтернативный проект районирования фактически выдвинули и жители Андарминской волости. Согласно ему эту волость вместо включения в состав Чаинской следовало объединить только с соседней Парбигской волостью. Этот план не был чем-то абсолютно новым: в июле 1922 г. губернская административная комиссия уже принимала решение об объединении Андарминской волости с Парбигской, а Чаинской волости с Варгатерской [19. Л. 9 об.]. Но тогда это решение так и не воплотилось в жизнь. Теперь же его предлагали уже сами жители соответствующих волостей. В наиболее законченной форме эту идею излагает протокол общего собрания Средне-Андарминского сельсовета: «Село Подгорное от нас в расстоянии около 200 верст, дорожное сообщение самое скверное и вообще для нас, граждан Средне-Андарминского сельсовета, является неудобным, желательно было бы, если бы оставили нашу волость на месте, присоединив к ней Парбигскую» [17. Л. 77]. Население Андарминского сельсовета выразило эту позицию более осторожно, с оглядкой на решение другой волости: «...Из мнений населения нашего сельсовета видно, что если Парбигская волость присоединится к нашей Андарминской волости, то хотя и останется в своей волости. А если Парбигская волость откажется присоединиться к нам, то население имеет согласие присоединиться к Чаинской волости, ввиду того как не в силах содержать одним населением свою волость» [Там же. Л. 73]. Самую смелую версию того же проекта выдвинули жители Галкинского сельсовета: «Ввиду отдаленности от нас Чаинской волости и неудобных болотистых мест, в особенности в летнее время отрывать мужика от работы, чтобы употребить на поездку в Вик по имеющимся делам 10 дней, которое может нанести ущерб хозяйству, а потому постановили поручить Андарминскому Вика возбудить ходатайство пред Нарымским уисполкомом оставить Андармин-

скую волость с резиденцией с присоединением Парбигской и части Варгатерской» [17. Л. 79].

Ходатайство Андарминского волисполкома действительно было составлено и даже направлено в Нарымский райисполком. Оно содержало предложение «образовать Вик из двух волостей, Андарминской и Парбигской, с резиденцией в Андарме, в случае же возражений... причислить к Чаинскому Вик» [Там же. Л. 72 об.], повторяя тем самым позицию Андарминского сельсовета. Случайно или намеренно, но о предложениях иных сельсоветов в этом документе ничего не сказано. Более того, его составители не привели никаких аргументов в пользу своего решения, а наличие оговорки «в случае же возражений...» позволяло вышестоящим органам власти и вовсе игнорировать ходатайство.

Неудивительно, что на состоявшемся 10–13 июня пленуме Нарымского райисполкома ни предложения сельсоветов Варгатерской волости, ни андарминское ходатайство даже не обсуждались. Вопрос о районировании уезда рассматривался в числе последних на вечернем заседании 12 июня и – в отличие от ряда иных вопросов – безо всяких обсуждений. Заслушав доклад председателя райисполкома М.Д. Прокопьева, «принимая во внимание экономический уклад и тяготение населения, а также желание его, выраженное в протоколах по нахождению во вновь укрупненных райсельсоветов и райвиков, а также основываясь на телеграфном распоряжении губисполкома», пленум постановил разделить Нарымский край на четыре волостных района: Каргасокский, Парабельский, Колпашевский и Чаинский [20. Л. 15]. Интересно, что в выписке из протокола пленума, направленной в губплан, Каргасокский район должен быть составлен только из Васюганской и Тымской волостей; собственно Каргасокская волость была по ошибке пропущена [17. Л. 19].

В донесении Томскому губисполкому об итогах пленума говорится только о «некоторых поселках Парбигской волости», население которых «выразило желание выделиться в отдельную Парбигскую волость, не представляя целесообразных мотивов» [Там же. Л. 18]. Зато ходатайства трех поселков Кенгинской волости о перечислении в Каинский уезд возражений не вызвали: как сказано в донесении, «пленум препятствий к их переходу не делает» [Там же]. Пересылать в секцию районирования подлинники отзывов сельсоветов в райисполком не торопились, ссылаясь на разбросанность и удаленность селений. Лишь после серии гневных телеграмм из губисполкома о том, что непредоставление подлинных отзывов населения края о районировании срывает завершение работ по всей губернии [Там же. Л. 91, 96, 97, 100], 30 июня в Томск были, наконец, высланы протоколы собраний населения Варгатерской, Парбигской и Тискинской волостей. В сопроводительном письме председатель райисполкома М.Д. Прокопьев утверждал, что от остальных волисполкомов протоколов не поступало, «ввиду местонахождения населенных пунктов, состава Виков до районирования, каковые по своему экономическому и бытовому состоянию присоединиться к какому-либо рай<ону>, влившись в его состав и образовать другой

район – не могут, что подтверждено личными заявлениями на пленуме исполкома пред<седателями> Виков Тымской, Каргасокской, Васюганской, Кенгинской, Чаинской, Андарминской и Колпашевской волостей» [Там же. Л. 34].

Таким образом, в губисполком сведения о результате опроса местного населения поступили с большим опозданием и уже в том виде, который соответствовал позиции Нарымского райисполкома. К тому времени проекты районного деления остальных уездов Томской губернии уже были утверждены губпланом [14. Л. 135–151 об.]. 3 июля секция районирования губплана провела специальное заседание по вопросу о волостном районировании Нарымского края. На нем были озвучены результаты опроса населения Тискинской волости и поддержаны ходатайства о переходе деревень Коломино и Михайловка в Молчановский район, а с. Леботер и пос. Голевского – в Чаинский район. Кроме того, были удовлетворены просьбы селений Бакчар и Тетеринка Иксинской волости о перечислении их в Чаинский район [Там же. Л. 152].

Противоречия вариантов укрупнения южных волостей Нарымского края были представлены в протоколе заседания исключительно как разногласия по поводу выбора административного центра Чаинского района: «По поводу центра Чаинского района высказаны при опросе возражения некоторыми селениями Варгатерской и Парбигской волостей. Селения Варгатерской волости Ханаева (ошибочно, на самом деле Хамовка. – С.Ш.), Нижне-Тискинский (ошибочно, на самом деле Нижне-Тигинский. – С.Ш.) <сельсовет> желают “оставить волость в Варгатере”, селения Бакчар и Средне-Тигинский <сельсовет> указывают на желательность устройства центра района в Варгатере “как центральном месте”. Парбигский сельсовет – желает оставить Парбигский Вик на месте ввиду дальности расстояния» [Там же. Л. 152 об.]. Нетрудно заметить, что предложения жителей Хамовки и Нижне-Тигинского сельсовета о сохранении самостоятельной Варгатерской волости в протоколе искажены, поэтому верно воспроизведенная позиция Парбигского сельсовета представлена как изолированная и экзотическая по смыслу. Таким образом, вопрос о возможных комбинациях объединения волостей на заседании секции даже не ставился, а позиции соответствующих селений и сельсоветов были просто проигнорированы.

При решении вопроса о выборе центра Чаинского района не был затронут и вопрос о сравнительной численности населения возможных районных центров. Вероятно, секция руководствовалась данными из хозяйственного описания создаваемого Чаинского района, где было указано: «С. Подгорное – самое крупное здесь село и культурный центр» [17. Л. 17 об.]. На самом деле Подгорное на момент слияния волостей насчитывало 249 жителей и было лишь седьмым по численности населения в формируемом районе. Заметно более крупными по числу жителей были села Леботер (745 чел.) и Варгатер (425 чел.), сопоставимы с Подгорным по населенности были деревни Верхняя Светлянка (274 чел.), Бакчар (263 чел.) и Подгорная (250 чел.), а также пос. Соловьево (250 чел.) [11. Л. 145–

147]. Зато в числе преимуществ с. Подгорного в протоколе названы «пристань, больница, район милиции, ячейки РКП и РКСМ, подходящие помещения для расквартирования учреждений» [14. Л. 152 об.]. Заметим, что пристани были почти во всех селениях, а вот больницы, партийные и комсомольские ячейки и тем более отделы милиции – лишь в наиболее крупных. Вообще можно предположить, что сохранение неизменной структуры органов милиции было одним из существенных факторов принятия решения о размещении административных центров новых районов. К этой мысли склонялся, например, зам. начальника административного отдела Нарымского райисполкома Богородицкий, который в ответе на запрос писал, что «по милицейской линии при свертывании Виков изменений никаких не будет, так как райисполкомы формируются при резиденциях раймилиций» [16. Л. 92].

Так или иначе, но «ввиду мнений большинства селений района, а также Нарымского райисполкома в пользу с. Подгорного вышеизложенные ходатайства оставлены без удовлетворения» [14. Л. 152 об.]. Та же судьба постигла и поддержанные Нарымским райисполкомом прошения трех поселков Кенгинской волости о перечислении в Каинский уезд. Им было отказано по формальным основаниям: «так как районирование производится в пределах губернских границ» [Там же]. За исключением этого пункта секция районирования губисполкома фактически подтвердила решение уездных властей.

Вообще документальное оформление этого заседания оставляет ощущение формальности хода и предпринятости результатов. На это указывают не только постоянно повторяющиеся ссылки на решения Нарымского райисполкома. Бросается в глаза и то, что протокол, посвященный Нарымскому краю, в несколько раз короче протоколов утверждения проектов районирования других уездов. Описание состава Нарымского уезда по новым районам и старым волостям, в отличие от других уездов, занимает всего полстраницы: его составители не стали утруждать себя перечислением всех населенных мест, а напротив названий соответствующих районам волостей (кроме Тискинской) просто написали «вся» [11. Л. 100; 14. Л. 153; 16. Л. 23]. В таком же виде это описание вошло и в официальный порайонный состав Томской губернии, опубликованный в приложении к резолюции губисполкома об утверждении общего проекта районирования [14. Л. 17]. Складывается впечатление, что в губернских органах власти никто просто не хотел глубоко вникать в особенности жизни и местные интересы жителей глухого таежного края.

Впрочем, качество работы по районированию Нарымского края не вызывало особых сомнений и у тех, кто ее проделал. В объяснительной записке к проекту нового административного деления Томской губернии зав. секцией районирования М.Г. Александровский откровенно отмечал бедность и слабость районов Нарымского края, называл их «дефективными», однако считал их «необходимым злом», поскольку дальнейшее укрупнение «еще более ухудшило бы условия жизни в этих районах» [Там же. Л. 5 об.]. То, что условия

жизни местного населения в связи с проводимым районированием уже ухудшились, для архитектора реформы было совершенно очевидным.

В материалах административно-территориального переустройства Томской губернии не сохранились данные о том, какие мнения о проекте районирования высказывали жители отдаленных северных волостей Нарымского края: Васюганской, Кенгинской и Тымской. Вполне возможно, что они, в отличие от населения Андарминской и Варгатерской волостей, не возражали против спущенного сверху проекта укрупнения. Очевидно лишь, что районные органы власти не стали к ним ближе. Чтобы изобразить сокращение расстояний от населенных пунктов до административных центров, секции районирования приходилось сравнивать среднее расстояние от селений до центров новых районов с расстояниями не до центров прежних волостей, а до уездных городов и сел. Если верить отчету, поданному в Сибревком, в Нарымском крае максимальное расстояние от селений до административных центров сократилось с 490 верст до 171 [21. Л. 114], хотя по спискам населенных мест можно увидеть, что большая часть Кенгинской волости располагалась более чем в 200–300 верстах от с. Парабель, а в Васюганской волости удаленность части селений от Каргаска и вовсе превышала 500 верст [14. Л. 77 об.–78, 79 об.–80].

Однако для региональных органов власти это, по видимому, особого значения не имело. 4 июля, на следующий день после заседания секции районирования губплана, президиум Томского губисполкома утвердил итоговый проект деления Нарымского края на четыре района. Причем одновременно с предоставлением всех материалов в Сибревком Нарымскому райисполкому предлагалось «начать работы по практическому районированию на своей территории» [22. Л. 84 об.]. В течение июля–августа во всех вновь образованных районах были ликвидированы волостные исполкомы и сформированы райисполкомы. Доложив об этом, Нарымский райисполком объявил о завершении районирования в крае и продолжил свою работу под новым названием Нарымского уездного исполкома [16. Л. 117]. 25 июля в губисполкоме состоялось утверждение окончательного проекта районирования всей губернии [14. Л. 7–7 об.], а 4 сентября проект (фактически – уже результат) районирования Томской губернии утвердил своим решением Сибревком [Там же. Л. 23–23 об.].

Таким образом, к определению точных сроков образования районов в Нарымском крае возможны три подхода. Формально моментом создания всех районов в Томской губернии можно считать 4 сентября 1924 г. – день, когда проект районирования губернии был утвержден Сибревкомом. Однако еще в феврале 1924 г. ВЦИК предоставил всем, кроме Иркутского, губисполкомам Сибири право проводить волостное районирование самостоятельно с последующим утверждением своих решений в Сибревкоме и ВЦИК [9. С. 144]. А значит, датой создания районов столь же законно считать день принятия соответствующего решения Томским губисполкомом. Для Каргасокского, Колпашевского, Парабельского и Чаинского районов Нарымского уезда это 4 июля 1924 г. Чтобы обойти это рас-

хождение, целесообразно исходить из сроков фактического создания районов и районных органов власти. Первое заседание президиума Колпашевского райисполкома состоялось уже 12 июля [16. Л. 225], организационный пленум Парабельского райисполкома – 25 июля [Там же. Л. 187], расширенный пленум Советов Чаинского района – 27 июля [Там же. Л. 155], а первое районное пленарное заседание Каргасокского райисполкома – 31 июля [Там же. Л. 165]. Именно эти дни следует считать датами фактического образования соответствующих районов.

В ходе осуществления районирования Нарымского края со всей очевидностью проявились отклонения от официальных принципов. Никакого приближения органов власти к населению при укрупнении административных единиц, разумеется, не происходило. В результате укрупнения волостей обширный край был разделен всего на четыре района, в каждом из которых оказалась большая таежная периферия, отделенная от местных органов власти сотнями километров тайги и болот. Это означало, что новые райисполкомы оказывались для жителей многих отдаленных поселков и заимок практически недоступными.

Крайне произвольно обошлись в исполкомах с учетом желания самого населения при принятии решения по созданию того или иного района. Хотя формально процедура опроса сельсоветов выглядела как механизм демократической легитимации принимаемых решений, весь ход использования результатов этого опроса позволяет говорить о том, что советские чиновники умело манипулировали полученными данными. Опрос сельсоветов был изначально ограничен выбором между вариантами вхождения в уже спроектированные районы и не предусматривал возможности образования новых. Тем не менее жители нескольких волостей попытались использовать этот опрос как ка-

нал выражения несогласия с административным проектом. Однако Нарымский райисполком, стремясь продемонстрировать свою исполнительность и добиться утверждения заранее согласованного проекта деления уезда на районы, принял во внимание главным образом те предложения с мест, которые соответствовали проекту. В то же время он игнорировал при выработке своего решения нежелательные для губисполкома сведения об альтернативных вариантах объединения волостей, а в дальнейшем фактически скрыл их от него. Губернская же секция районирования, получив искаженную информацию и не желая глубоко вникать в ситуацию в отдаленном малонаселенном уезде, предпочла утвердить только мелкие корректировки к первоначальному проекту. Многоуровневая система органов советской власти сработала в данном случае как фильтр, блокирующий часть сигналов обратной связи и не дающий возможности объективной оценки ситуации и принятия взвешенного решения.

Впрочем, время расставило все по своим местам. Огромные районы, образованные в 1924 г., оказались трудноуправляемыми. Поэтому в течение 1930-х гг. все они были разделены. В 1932 г. из состава Каргасокского района был выделен Тымский район, практически совпадавший по территории с бывшей Тымской волостью. В 1936 г. из состава Чаинского района был выведен Бакчарский район, объединивший в своем составе территорию бывших Андарминской и Парбигской волостей, как и предлагали когда-то их жители. А в 1939 г., в ходе очередной серии территориальных преобразований, были образованы Васюганский, Парбигский и Пудинский районы, в значительной степени повторявшие прежнее деление на Васюганскую, Парбигскую и Кенгинскую волости Нарымского края. И новые районы оказались долговечнее тех, что были сформированы под административным нажимом в 1924 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по районированию Сибирского края. Новосибирск : Изд. Сибкрайисполкома, 1926. 46 с.
2. Гуринович П.А. Районирование Сибирского края // Сибирская советская энциклопедия. New York : Norman Ross publ., 1992. Т. 4. Стб. 605–608.
3. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.) : справочник. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 220 с.
4. Зуев А.С., Ноздрин Г.А., Матханова Н.П., Ильиных В.А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН ; Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. С. 45–54.
5. Ильиных В.А. Районирование // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН ; Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 752.
6. Казарин В.Н. Административно-территориальные преобразования в период «Сибревкомовской Сибири» // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2013. С. 65–78.
7. Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т экономики и управления, 2018. 346 с.
8. Андреев Н.А. Районирование Томской губернии (1917–1925 гг.) // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). Томск, 2005. С. 57–61. (Труды Томского государственного университета. Т. 267. Сер. Историческая).
9. Корженевский К.Б. Формирование административно-территориальной системы РСФСР в первой половине 1920-х гг. (на примере районирования западносибирских губерний) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 142–146.
10. Миркин В.В., Морев В.А. История связи Западной Сибири в 1860-е – 1940-е гг. Томск : Оптимум, 2008. 312 с.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 179.
12. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1004.
13. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 945.
14. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1227.
15. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1139.
16. ГАТО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 263.
17. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1226.
18. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1064.
19. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1260.
20. ГАТО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 220.

21. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1137.
22. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 115.

Sergey A. Shpagin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpagin1972@mail.ru

FROM THE HISTORY OF SIBERIA'S ZONING: FORMATION OF DISTRICTS IN NARYMSKY TERRITORY OF TOMSK PROVINCE

Keywords: administrative and territorial division; executive committees; division into districts; consolidation of the parishes; Narymsky Krai.

The article is devoted to the reconstruction of the poorly studied process of parish zoning in Narymsky County (uezd) of Tomsk Province in 1924. The main sources for the study were official and record-keeping documents (reports, minutes of meetings, correspondence) stored in the State Archive of the Tomsk Region in the funds of the executive committees of the Tomsk Province (Tomsky Gubispolkom) and Narymsky County (Narymsky raaispolkom). The traditional concept of division into districts in literature is limited to describing the decisions of the highest and regional authorities: the All-Russian Central Executive Committee, Siberian Revolution Committee and the provincial executive committees. The role of the lower authorities remained unsolved. In addition, the view was proclaimed that the zoning was carried out in accordance with the desire of the population itself and contributed to the coming nearer of the authorities to the population. The article describes in detail the process of drafting a decision on the consolidation of voles and the formation of districts in Narym County. The initial zoning project was developed in the provincial planning commission in 1923. According to this project, Narymsky County was to be divided into 4 large districts: Kargasok, Kolpashevsky, Parabel and Chainsky. The exact boundaries of the districts were not strictly defined, so Narymsky raaispolkom was instructed to organize a survey of the population about the desire to join an area. The article shows that the survey was formal, as the authorities tried to use it only as a confirmation of the validity of the zoning project. However, the population of the southern part of the county perceived this survey as an opportunity to influence the progress of the consolidation of the voles. For example, residents of Andarminskaya, Vargaterskoe and Parbinsky voles offered several options for zoning, alternative to the creation of a large Chainsky district with a center in the village of Podgorny. But Narymsky raaispolkom for various reasons rejected all these options. He supported only the decision to divide the Tiskin parish: it was in line with the intention of the district executive committee to include most of this parish in the Kolpashevsky district. The same decision was supported by Tomsky Gubispolkom: its members received distorted information from Narymsky district executive committee and were not inclined to deeply understand the situation of residents of the remote county. As a result, the initial zoning project was implemented with almost unchanged, and many settlements of Kargasok, Parabel and Chainsky districts were removed from the district centers by several hundred kilometers. Thus, during the zoning of Narym County, the county authorities played an active role, but they themselves took very little account of the views of the population. It is not surprising that the enlargement of the parishes did not lead to the declared coming nearer of the authorities to the population.

REFERENCES

1. RSFSR. Regionalization Commission. (1926) *Materialy po rayonirovaniyu Sibirskogo kraya* [Zoning in Siberia]. Novosibirsk: Sibkrayispolkom.
2. Gurinovich, P.A. () Rayonirovanie Sibirskogo kraya [Zoning of the Siberian Territory]. In: Sjymyatsky, B. (ed.) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 4. New York: Norman Ross. Col. 605–608.
3. USSR. (1966) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri (avgust 1920 g. – iyul' 1930 g.), Zapadnoy Sibiri (iyul' 1930 g. – sentyabr' 1937 g.), Novosibirskoy oblasti (s sentyabrya 1937 g.)* [Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 – July 1930), Western Siberia (July 1930 – September 1937), Novosibirsk region (from September 1937)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
4. Zuev, A.S., Nozdryn, G.A., Matkhanova, N.P. & Illykh, V.A. (2009) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Administrative-territorial division of Siberia and the Far East]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of History SB RAS; Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 45–54.
5. Illykh, V.A. (2009) Rayonirovanie [Zoning]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of History SB RAS; Istoricheskoe nasledie Sibiri. p. 752.
6. Kazarin, V.N. (2013) *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v period "Sibrevkomovskoy Sibiri"* [Administrative and territorial transformations during the period of "Sibrevkomov Siberia"]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. pp. 65–78.
7. Shilovsky, D.M. & Shilovsky, M.V. (2018) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo i upravlencheskiy apparat Aziatskoy Rossii (konets XVI – nachalo XXI v.)* [Administrative-territorial structure and management of Asian Russia (late 16th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management.
8. Andreev, N.A. (2005) Rayonirovanie Tomskoy gubernii (1917–1925 gg.) [Zoning of the Tomsk province (1917–1925)]. In: Zinoviev, V.P., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomsk)* [The Fate of the Regional Center in Russia (to the 400th Tomsk anniversary)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 57–61.
9. Korzhenevskiy, K.B. (2019) Formation of the Administrative and Territorial System of the RSFSR in the First Half of the 1920s (On the Example of Zoning of the West Siberian Provinces). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 142–146. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/18
10. Mirkin, V.V. & Morev, V.A. (2008) *Istoriya svyazi Zapadnoy Sibiri v 1860-e – 1940-e gg.* [The history of communication in Western Siberia in the 1860s – 1940s]. Tomsk: Optimum.
11. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 179.
12. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1004.
13. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 945.
14. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1227.
15. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1139.
16. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-160. List 1. File 263.
17. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1226.
18. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1064.
19. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1260.
20. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-160. List 1. File 220.
21. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1137.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 115.